

— Хватит зубы заговаривать. Как там Инъин? — Хуа Тянь искусно притворился, будто ничего не знает, а Лань Цзыцзюнь незаметно наострил уши.

При упоминании имени Лю Инъин трактирный слуга мгновенно переменился в лице.

— Послушай моего совета, друже, — вполголоса проговорил он. — Держись от неё подальше. Не водись с ней больше.

Хуа Тянь картинно разозлился, хлопнул чаркой о стол так, что вино брызнуло во все стороны, и гневно воскликнул:

— Мы с Инъин с малых лет не разлей вода! С чего это ты вздумал нас ссорить?

Трактирщик лишь горестно вздохнул:

— Да не жилец она больше. Боюсь, если продолжишь за ней увиваться, потом локти кусать будешь от горя.

Хуа Тянь занервничал и крепко сжал руку слуги:

— Как это «не жилец»? Что ты несёшь? Выкладывай давай!

— Лю Инъин зарезала монаха в храме. Через пару дней её казнят.

В голове у Хуа Тяня всё смешалось. Ему показалось, будто уличный сказитель затянул какую-то нелепую, дикую байку. Лю Инъин — убийца? Да ещё и монаха прикончила?

— Да ну тебя, зубы мне заговариваешь, — отмахнулся Хуа Тянь, пытаясь превратить всё в шутку. — Чтобы Инъин да кого-то убила? Не смеши меня.

— Какие уж тут шутки, улики неопровержимые! — слуга упрямо покачал головой. — В день убийства их видели вместе: Лю Инъин громко лаялась с этим монахом. А уже ближе к вечеру его нашли с ножом в спине. Помер на месте.

— Хм. Из этого действительно следует, что подозрение падает на девицу Лю, — беспристрастно резюмировал Лань Цзыцзюнь, выслушав рассказ.

— Не верю! — Хуа Тянь с силой хлопнул по столу. — Я должен немедленно её увидеть!

Из уважения к седидам почтенного господина Лю его дочь не стали бросать в сырую темницу. До вынесения приговора её оставили под домашним арестом в собственном поместье.

— Куда прёшь, паршивец? Кто тебя звал? — громила-привратник бесцеремонно схватил Хуа Тяня за шкурку и выставил вон.

Но Хуа Тянь, словно назойливый репейник, мгновенно прилип обратно. Напустив на себя самый жалостливый вид, он со слезами на глазах взмолился:

— Братец, миленький,пусти! Мы же с Инъин с пелёнок вместе, души друг в друге не чаяли! Ну не могу я бросить её в беде!

Сердце привратника дрогнуло, он со вздохом покачал головой:

— Ступай домой, малый. Госпожа Лю уже одной ногой в могиле, никто ей теперь не поможет.

— Что?! — Хуа Тянь взвыл и ломанулся вперёд с удвоенной силой, но страж стоял как вкопанный, не сдвинувшись ни на пядь.

— Уважаемый, не сочти за труд доложить господину Лю, что у меня к нему срочное дело, — Лань Цзыцзюнь спокойно обошёл бьющегося в чужих руках Хуа Тяня и вложил в ладонь привратника увесистый серебряный слиток.

— Сию минуту, молодой господин! Сейчас всё сделаю, — расплылся в улыбке страж и резво скрылся за воротами.

У Хуа Тяня едва челюсть не отвисла. Надо же — сам Владыка ада, а живёт беднее собственного судьи!

— Брат Цзыцзюнь, ты же у нас вечно занят, — заискивающе зашептал Хуа Тянь, дёргая Лань Цзыцзюня за рукав. — Может, сдашь мне казну Подземного царства на хранение? А то негоже тебе лишними заботами голову забивать.

— И не мечтай! — Лань Цзыцзюнь мгновенно растерял весь свой надменный лоск и злобно прошипел: — Забыл, сколько спустил на прошлый пир? У тебя ещё наглости хватает просить денег!

— Скряга паршивая, — буркнул Хуа Тянь, понутив голову.

Из-за той пирушки Лань Цзыцзюнь потом целую неделю с ним не разговаривал.

— Господа, прошу за мной, — вежливо обратился к ним вышедший навстречу управляющий.

Лань Цзыцзюнь покосился на увядшего, точно побитый морозом лист, Хуа Тяня и сухо бросил:

— Чего застыл? Шевелись.

— Иду, иду! — Хуа Тянь мгновенно просиял и пристроился сзади послушным оруженосцем. Ни дать ни взять мелкий прихвостень, а не грозный повелитель Подземного царства.

— Приветствую вас, молодой господин. По какому делу пожаловали в мою скромную обитель? — старый господин Лю встретил гостей со всей учтивостью, адресовав Лань Цзыцзюню вежливый поклон и демонстративно проигнорировав топчущегося рядом Хуа Тяня.

— Я прибыл по просьбе моего дорогого друга, господина Хуа, — Лань Цзыцзюнь держался с таким благородным достоинством, что сомневаться в его честности было невозможно. — Мы намерены разобраться в запутанном деле вашей дочери и доказать её невиновность.

Хуа Тянь уставился на него взглядом, полным безграничной благодарности и благоговения.

В глазах старика Лю блеснул луч надежды, и по его морщинистым щекам покатились мутные слёзы:

— О, небо смилостивилось! Я даю голову на отсечение — моя Ин-эр и мухи не обидит! Прошу вас, господин, докопайтесь до правды, верните моей девочке честное имя!

— Господин Лю, не извольте беспокоиться, я костями лягу, но спасу Инъин! — встрял Хуа Тянь, высунув голову из-за спины судьи ада.

Старик посмотрел на Хуа Тяня уже совсем иначе — в его взоре появилось искреннее тепло и признательность:

— Сяо Тянь... Моя дочь не зря считала тебя своим лучшим другом. У тебя золотое сердце.

— Ну что вы, какой «друг», это слишком официально! Я, вообще-то, до сих пор надеюсь стать вашим зятем, — беззаботно ухмыльнулся тот.

Старый господин аж поперхнулся и поспешил закрыть рот, решив не развивать опасную тему. Не говоря больше ни слова, он повёл гостей к покоям, где содержалась его дочь.

Лю Инъин лежала на постели — бледная, исхудавшая, с потухшим взглядом. Однако стоило ей завидеть Хуа Тяня, как лицо её озарилось робкой радостью. Она попыталась приподняться ему навстречу, но не успела издать и звука, как разрыдалась.

Хуа Тянь крепко обнял плачущую девушку, ощущая, как от жалости щемит сердце.

— Ну полно, полно, Инъин... Слёзы тут не помогут. Обещаю, я вытащу тебя отсюда. Расскажи мне всё по порядку: что там стряслось на самом деле?

Девушка отвела взгляд, её пальцы нервно затеребили край одеяла.

— Всё случилось в тот день, когда мы вместе ходили в храм, — упавшим голосом начала она. — Помолившись Будде, я пошла искать тебя. Но у самого выхода меня окликнул монах. Стал настойчиво требовать, чтобы я пожертвовала ещё одну связку монет. У меня с собой ничего не было, и мы... мы крупно повздорили. А потом... кто же знал, что его найдут мёртвым? Он просто взял и умер... мёртв...

Выслушав её сбивчивые оправдания, Хуа Тянь заметно посерьёзnel. Он расспросил девушку ещё о кое-каких мелочах, после чего они с Лань Цзыцзюнем покинули усадьбу.

— Ну и чего ты насупился? — нарушил молчание Лань Цзыцзюнь, заметив, что всю дорогу от ворот Хуа Тянь пребывает в глубокой задумчивости. — На лице же написано, что хочешь чем-то поделиться.

— Инъин лжёт, — глухо отозвался Хуа Тянь.

— О как! — привычно съязвил судья. — А я-то думал, ты готов за свою ненаглядную в огонь и в воду прыгнуть, твердя о её безгрешности.

— Да нет же, я не о том, что она убийца, — отмахнулся Хуа Тянь. — Она соврала о причине их ссоры. Суди сам. Во-первых, Инъин — благовоспитанная барышня из приличной семьи. Она слишком скромна и горда, чтобы устраивать базарную склоку из-за несчастной горсти меди, да ещё и при свидетелях. Во-вторых, семейство Лю в наших краях уважают. Каждый местный прекрасно знает, кто её отец. Монахи не круглые дураки, чтобы затевать грызню с дочерью столь влиятельного господина ради копеечной выгоды.

Лань Цзыцзюнь задумчиво кивнул, невольно отдавая должное проницательности своего спутника:

— Справедливо. Но зачем тогда ей разыгрывать этот спектакль и скрывать истину?

— Всё дело в самом монахе. Допытываться у Инъин бесполезно — раз уж решила молчать, то добровольно не расколется. Придётся наведаться в монастырь и осмотреться на месте, — решительно подытожил Хуа Тянь, понимая, что разгадку нужно искать там, где пролилась кровь.

Обитель встретила их удручающей пустотой. От бывшего оживления не осталось и следа: повсюду колыхались траурные белые ленты, ветер гонял по двору ритуальную бумагу, а у стен сиротливо жались соломенные чучела. Из глубины святилища доносилось заунывное, гнусавое бормотание — монахи зачитывали поминальные сутры. Этот монотонный гул противно свербел в ушах, раздражая Хуа Тяня так, словно ему кто-то непрестанно скреб когтями по сердцу. Сказать что-то поперек было нельзя, оставалось лишь терпеть, хотя Лань Цзыцзюнь тоже едва сдерживался — его лицо буквально окаменело от злости.

— В жизни не слышал столь омерзительного исполнения Мантры Великого Сострадания, — тихо выплюнул Лань Цзыцзюнь.

— Это ты ещё внутрь не заходил, брат Цзыцзюнь, — в тон ему отозвался Хуа Тянь. — Погоди, там тебя ждёт зрелище куда более тошнотворное. Наберись терпения, а то глаза вывалятся от такой «святости».

Судья лишь снисходительно хмыкнул:

— Надо же. Сгораю от нетерпения взглянуть на это убожество.

Прибавив шагу, они подошли к главным дверям, но дорогу им преградили двое дюжих монахов:

— Куда ломитесь? Не видите — в храме траур. Посторонним вход строго воспрещён.

— Вот уж диковина! — с апломбом возразил Хуа Тянь, расправив плечи. — Впервые слышу, чтобы на кончину праведника мирян не пускали. Разве монастыри не должны, наоборот, распахивать врата пошире, дабы верующие несли подношения, курили благовония и множили свои благие заслуги для скорейшего вознесения усопшего в сонм небожителей?

Монахи переглянулись, растерявшись от такого напора. Возразить им было нечего, поэтому один из них спешно юркнул внутрь, чтобы позвать старшего.

Лань Цзыцзюнь, слушая эту ахинею, едва сдерживал смех.

«Надо же, вознесение в сонм небожителей! — мысленно хмыкнул он. — Что же ты не пообещал покойнику место самого Будды в Западном раю?»

— Видал? Монахи-то фальшивые, — шепнул Хуа Тянь, когда они остались одни. — Я им лапши на уши навешал, а они и уши развесили.

Лань Цзыцзюнь согласно прищурился, и они обменялись заговорщическими улыбками.

Впрочем, судья тут же спохватился и вновь напустил на себя маску ледяного безразличия. К чему эти глупые ужимки? Образ сурового и неприступного господина едва не дал трещину!

Вскоре из глубин монастыря величаво выплыл настоятель в ярко-алой рясе. На его лице сияло такое притворное смирение и благочестие, словно он лично соревновался в святости с самим Буддой Шакьямуни.

— Приветствую вас, благочестивые миряне, — елеинным голосом запел монах, сложив ладони.
— К несчастью, нашу обитель постигло горе: один из моих юных братьев безвременно ушёл в мир иной. Ныне мы совершаем обряды поминовения, посему принять вас не имеем возможности. Молю, воротитесь через пару дней.

— О как? — вкрадчиво поинтересовался Лань Цзыцзюнь. — Столь юн, а уже отправился к праотцам? Какая же напасть его скосила?

— Чистой воды проклятие судьбы, — сокрушённо вздохнул фальшивый праведник. — На днях к нам пожаловала девица. Хотела совершить подношение, да вот беда — монеты дома позабыла. Мой ученик Цзя Лань лишь кротко указал ей на это правило, но девица пришла в ярость. Завязалась перепалка, и разгневанная мирянка... ах, страшно вымолвить... нанесла ему удар в спину.

Его рассказ в точности повторял сплетни, гулявшие по рынку. Складно, гладко — комар носа не подточит. Вину со своей братии они сняли полностью.

— Чушь соба... — взвился Хуа Тянь, засучивая рукава и готовый самолично начистить фальшивую рясу, но Лань Цзыцзюнь среагировал мгновенно.

Он намертво зажал буяну рот ладонью и сурово качнул головой, посылая красноречивый взгляд. Хуа Тянь уловил недвусмысленное предупреждение и нехотя затих.

— Прескорбно слышать, — вежливо отозвался судья. — В таком случае мы зайдём позже.

Он железной хваткой увлёк Хуа Тяня прочь. Лишь когда они спустились к подножию холма, подальше от чужих глаз, Лань Цзыцзюнь наконец разжал пальцы.

— Ты чего меня увёл? — недовольно проворчал Хуа Тянь, растирая челюсть. — Тебе, великому судье ада Подземного царства, ли трусить перед какими-то мошенниками? Да мы бы просто достали Книгу жизни и смерти, вычеркнули их имена — и дело с концом! Быстро бы эти

фальшивые святоши присмирели.

Лань Цзыцзюнь лишь хмуро покачал головой:

— Смертные мне не указ. Но там дело не в людях. Там завелись демоны.

— Демоны? — вытаращил глаза Хуа Тянь. Только нечисти им не хватало! Какого чёрта банальное убийство превращается в такой клубок чертовщины?

— От монастыря разит демонической аурой, прямо за версту несёт. Потому я и решил, что лезть на рожон сейчас глупо.

Хуа Тянь в досаде взъерошил волосы:

— И что теперь делать? Если эту шарашку прикрывает какая-то тварь... Может, позовём на подмогу Императора Хуагая?

Стоило прозвучать этому имени, как лицо судьи вновь исказилось брезгливой гримасой. Он ледяным тоном процедил:

— Я разве говорил, что не справлюсь с паршивым демоном?

И то правда: Лань Цзыцзюнь в совершенстве владел даосскими искусствами. Ему хватало одной кисти и пачки амулетов, чтобы заставить трепетать любую нечисть. Звание судьи Подземного царства давалось не за красивые глаза.

Пропустив колкость мимо ушей, Хуа Тянь воодушевился:

— Серьёзно? Раз ты можешь прижать их к ногтю, почему мы прямо там не разнесли этот клоповник к чертям собачьим?

В ответ Лань Цзыцзюнь лишь презрительно закатил глаза.

— Ах, ну конечно! — поспешно закивал Хуа Тянь, сообразив, в чём дело. — Бить надо наверняка, прямо под дых. Рано раскрывать карты, пока нет прямых улик. Как всегда, брат Цзыцзюнь, твоей мудрости и отваге нет равных!

— Тсс! — резко оборвал его Лань Цзыцзюнь, предостерегающе вскинув ладонь и зорко всматриваясь в чашу.

Хуа Тянь затаил дыхание. Сквозь могильную тишину древнего бора долетел странный, сухой

стук: *тук... тук... тук...*

В глухом лесу этот звук казался пугающе чужеродным. Он приближался с каждым мгновением, безжалостно капая на натянутые до предела нервы. Сердце Хуа Тяня пустилось вскачь, отсчитывая удары в такт этому зловещему перестуку.

Окрестный туман словно взбесился, он пополз из-под корней, сгущаясь и обволакивая стволы деревьев липким саваном под аккомпанемент этого пугающего ритма. Видимость стремительно падала. Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь невольно встали плечом к плечу, не сводя глаз с серой пелены, откуда доносился звук.

Из белесой мглы медленно выплыл уродливый силуэт — жуткое порождение кошмаров, лишь отдалённо напоминающее человека. Источником стука оказалась деревянная колотушка в его руке, которой он мерно ударял по выглядывающим из-под земли валунам.

Нижняя часть существа казалась вполне человеческой, разве что ноги волочились с трудом, неестественно подламываясь при каждом шаге. Но вот его верхняя половина заставила бы содрогнуться любого смертного. Половина черепа была начисто снесена, и из раны лениво сочилась склизкая жижа вперемешку с тёмной, запекшейся кровью. Левое плечо вместе с рукой отсутствовало вовсе — его обрубок дико дёргался при ходьбе, обнажая раздробленную лопатку. Всё его тело от макушки до груди словно разрубили одним наискось направленным ударом огромного тесака, из которого теперь во все стороны торчали острые белые обломки рёбер. Зрелище было настолько омерзительным, что нормального человека вывернуло бы наизнанку.

<http://bllate.org/book/18412/1796457>